МИР СТИВЕНА ХОКИНГА

СТИВЕН ХОКИНГ

МОЯ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

ОГИЗ
Издательство АСТ

ДЕТСТВО

Мой отец Фрэнк Хокинг принадлежал к роду йоркширских фермеров-арендаторов. Его дед — мой прадед Джон Хокинг — был вполне преуспевающим фермером, но, скупив слишком много ферм, обанкротился во времена сельскохозяйственной депрессии в начале XX века. Его сын Роберт — мой дед — пытался помочь отцу, но в результате и сам обанкротился. К счастью, у моей бабушки в Барроубридж был дом, в котором она устроила школу, благодаря чему семья получала хоть какой-то доход. Все же им удалось скопить денег, чтобы отправить сына в Оксфорд изучать медицину.

Учась в университете, мой отец регулярно получал гранты и премии, что позволяло ему отправлять деньги родителям. Позднее он занялся изучением тропических болезней и в 1937 году отправился в Восточную Африку проводить исследова-

ния. Узнав о начале войны, он пересек Африку, и, спустившись по реке Конго, сел на корабль, на котором вернулся в Англию. Сразу по приезде на родину он изъявил желание пройти военную службу, но получил отказ с оговоркой, что его место в медицине.

Моя мать родом из шотландского городка Данфермлин, она была третьим ребенком из восьми детей местного доктора. Ее старшая сестра родилась с синдромом Дауна и до своей смерти в тринадцать лет жила с сиделкой. Когда маме было двенадцать лет, семья переехала на юг Девона. Как и у отца, ее семья была не из богатых, но и им удалось отправить дочь учиться в Оксфорд. После окончания университета она перепробовала много профессий, в том числе работала налоговым инспектором, что ей было не совсем по нраву. В результате она предпочла стать секретарем, и именно на этой работе повстречалась с отцом. Это было в самом начале войны.

Я появился на свет 8 января 1942 года, ровно через триста лет после смерти Галилея. Однако по моим подсчетам в этот же день родились еще, по крайней мере, две сотни тысяч младенцев. Не знаю, правда, интересовался ли из них кто-нибудь астрономией в дальнейшей жизни.

Родился я в Оксфорде, хотя в то время мои родители уже жили в Лондоне. А случилось это, потому что во время Второй мировой войны

с немцами было подписано соглашение о том, что Оксфорд и Кембридж не будут подвергаться бомбардировкам, если в свою очередь англичане не станут бомбить Гейдельберг и Гёттинген. Жаль, что это соглашение не распространялось и на другие города.

Когда через полтора года после моего рождения на свет появилась моя сестра Мэри, мы жили в местечке Хайгейт на севере Большого Лондона. Родители говорили, что я не слишком радовался ее появлению в нашей семье. И такая напряженность в наших отношениях, вызванная, очевидно, маленькой разницей в возрасте, продолжалась все детство и исчезла, только когда мы повзрослели, и каждый пошел своим путем. Мэри стала врачом, что не могло не радовать отца.

Сестра Филиппа родилась, когда мне было около пяти лет, в это время я уже лучше понимал, что происходит. Я помню, с каким нетерпением ждал ее появления на свет, чтобы мы могли играть втроем. Она была очень впечатлительным и восприимчивым ребенком, и я всегда с большим уважением относился к ее мнениям и суждениям. Моего брата Эдварда родители усыновили гораздо позже, тогда мне было уже четырнадцать, поэтому он не оставил воспоминаний в моем детстве. Эдвард был совсем не таким, как мы, он не отличался особым интеллектом и не очень-то стремился к учебе, что, возможно, было неплохо для нас. Он был довольно трудным ребенком, но его было

невозможно не любить. Он умер в 2004 году, причина его смерти так и осталась невыясненной, хотя предполагают, что он отравился парами клея, которым пользовался во время ремонта своей квартиры.

В своих самых ранних воспоминаниях я вижу себя горько рыдающим во дворе детского сада школы Байрон Хаус в Хайгейте. Вокруг меня детишки играли, как мне тогда казалось, с замечательными игрушками, и мне очень хотелось играть с ними. Но мне было всего два с половиной года, и это был первый раз, когда родители оставили меня одного с незнакомыми людьми, и я был страшно напуган. Полагаю, мои родители были крайне удивлены моей реакцией, потому что я был их первенцем, и в своих решениях относительно моего воспитания они руководствовались учебниками по развитию детей, в которых было написано, что в два года те должны быть готовы к социализации. Но после того ужасного утра они забрали меня, и еще полтора года я воспитывался дома.

В то время, то есть во время и сразу после войны, среди обитателей Хайгейта было немало ученых и исследователей. (В другой стране их, верно, назвали бы интеллектуалами, но англичане никогда не признавали наличия интеллектуалов.) И все они отправляли своих отпрысков в школу Байрон Хаус, которая считалась в то время весьма прогрессивной.

Я вспоминаю, что жаловался родителям на то, что в этой школе меня ничему не учат. Школьные преподаватели не признавали традиционного в то время метода заучивания, зубрежки, проще говоря. Вместо этого предполагалось, что ребенок должен был учиться читать, не осознавая, что его этому учат. В конечном счете, я, конечно, научился читать. Но это произошло, когда мне стукнуло уже почти девять лет. При этом моя сестра Филиппа, которая училась читать, как это делалось на протяжении веков, умела читать уже в четыре года. Но тогда она определенно была умнее меня.

Мы жили в высоком узком викторианском доме, который мои родители приобрели по сходной цене во время войны, тогда ведь все думали, что Лондон будет разбомблен до основания. Хотя, по правде говоря, одна немецкая ракета Фау-2 разо-

Наша улица в Хайгейте

рвалась всего за несколько домов от нашего. Нас с мамой и сестрой дома не было, а отец был в доме. К счастью, ни он сам, ни дом не пострадали. Но еще на протяжении нескольких лет на улице оставалась воронка от взрыва, в которой мы любили играть с моим другом Говардом, который жил на нашей улице за три дома от нас. Говард стал для меня настоящим открытием, потому что родители его не были интеллектуалами в отличие от родителей остальных детей, с которыми я общался. Он ходил в обычную муниципальную школу, но знал все о футболе и боксе, которые ни в коей мере не интересовали моих родителей.

Отлично помню, как получил свой первый игрушечный поезд. Ведь во время войны игрушки не производились, по крайней мере, купить их было невозможно, но у меня была настоящая страсть к игрушечным поездам. Мой отец пытался делать для меня деревянные модельки, но меня они не вполне устраивали, мне хотелось иметь поезд, который двигался бы сам. Поэтому он купил подержанный заводной поезд, починил его при помощи паяльника и подарил на Рождество накануне моего трехлетия. Поезд был так себе. Но сразу после окончания войны отец побывал в Америке, и когда вернулся, а возвращался он на знаменитой в то время «Королеве Мэри», он привез маме нейлоновые чулки, которые было не достать в то время в Англии. Сестре Мэри он привез куклу,

которая, когда ее укладывали спать, закрывала глаза, а мне настоящую железную дорогу в форме цифры восемь, укомплектованную поездом с путеочистителем. Помню, с каким возбуждением открывал я ту коробку.

Заводные поезда были, безусловно, хороши, но на самом деле я мечтал об электрическом поезде. Помню, как часами я наблюдал за такими поездами на площадке модельного клуба в Крауч-Энде неподалеку от Хайгейта. Вот это была настоящая мечта. В конце концов я решился и, воспользовавшись случаем, когда родителей не было дома, отправился в отделение почтового банка, где хранились все мои скромные сбережения, накопленные из денег, полученных по разным поводам,

Лондон во время «Блица» — бомбардировки города нацистской Германией в период с 7 сентября 1940 по 10 мая 1941 года

снял со счета всю сумму и купил электрический поезд. Но как ни печально, и этот поезд работал не слишком хорошо. Надо было, наверное, отнести его обратно в магазин и потребовать замены, но в те времена просто что-то приобрести уже было привилегией, а если товар оказывался некачественным, это считалось проблемой покупателя. Мне пришлось заплатить еще и за ремонт электрического двигателя, но это не слишком помогло, поезд все равно работал плохо.

Позднее, уже в подростковом возрасте, я сам конструировал модели самолетов и кораблей. Работать руками у меня не очень получалось, но я мастерил со своим другом Джоном Макклена-хом, у него с руками все было в порядке, к тому же у его отца была своя мастерская. Я всегда стремился построить работающую модель, которой я мог бы управлять, при этом мне было совершенно неважно, как она выглядит. Полагаю, что именно это стремление привело меня к созданию целой серии сложных игр в компании с еще одним из моих друзей Роджером Фёрнихоу. Среди них была игра-промышленность — в ней было несколько фабрик, производивших изделия разных цветов, которые развозились по автомобильным и железным дорогам, там же была и фондовая биржа. Была и военная игра, играть в которую нужно было на доске, состоявшей из четырех тысяч квадратов, и даже игра в феодалов, в которой каждый игрок представлял целую династию с собственным гене-

алогическим древом. Все эти игры, равно как и модели поездов, кораблей и самолетов, появились благодаря моему стремлению понять, как функционируют целые системы и как их можно контролировать. Я удовлетворил эту свою потребность исследованиями в космологии, начав работу над диссертацией. Поняв, как функционирует Вселенная, можно научиться в какой-то степени ее контролировать.